

Родион Михайлов

An illustration of a woman with long, dark, wavy hair, seen from the back and side. She is looking out over a dense city skyline at sunset or sunrise. A small white mouse with a pink tail is perched on her right shoulder. The city below is filled with numerous buildings, and the sky is a mix of pink, orange, and blue.

Вера, мьшенок
и другие

Мир людей, зверушек и динозавриков. Единство судеб

Родион Михайлов

Вера, мышонок и другие

«Автор»

2024

Михайлов Р.

Вера, мышонок и другие / Р. Михайлов — «Автор»,
2024 — (Мир людей, зверушек и динозавриков. Единство судеб)

Первая книга серии «Мир людей, зверушек и динозавриков. Единство судеб». Оставшись одна, Вера теряет вдобавок и дом, после чего девушка вынуждена устроиться работать в другом городе прислугой у богатой сеньоры, в особняке которой происходят странные и даже несколько пугающие события, но отчасти и нелепые. Чтобы поддержать Веру к ней приезжает подруга, и они уже вдвоём пускаются в некие приключения, знакомятся с новыми людьми и постепенно втягиваются в загадочную цепь событий. Исследование особняка богатой сеньоры, а также некоторых уголков города, приводят к интересным открытиям и неожиданным последствиям. В книгах этой серии поднимается широкий спектр философских, общественных, психологических и естественнонаучных вопросов.

© Михайлов Р., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	18
Глава 10	20
Глава 11	22
Глава 12	24
Глава 13	25
Глава 14	27
Глава 15	28
Глава 16	29
Глава 17	31
Глава 18	33
Глава 19	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Родион Михайлов

Вера, мышонок и другие

Часть первая

Глава 1

На часах девять тридцать утра, и уже в десять уходит автобус на Санта-Эсмеральду, второй по величине город страны, до которого 280 километров или пять-шесть часов пути. Пришло время попрощаться с домом и всем, что было дорого.

Вера Хименес стояла во дворике со спортивной сумкой в руке, с рюкзаком за спиной и, наверное, в последний раз в жизни смотрела на дом, в котором родилась, выросла, прожила счастливо и в основном беззаботно девятнадцать лет, сначала вместе с матерью, потом с матерью и дедушкой, а последние шесть лет, из-за внезапной кончины матушки, вдвоём с дедушкой. А теперь ушёл и он, всего месяц назад, но уже оказалось, что дом, который должен был остаться Вере, вдруг каким-то загадочным образом стал принадлежать дальним родственникам, о которых Вера даже и не слышала до недавних пор. Так что дом она покидала не по своей воле.

Чиновник, занимающийся всеми делами, связанными с недвижимостью, насчитал причитающуюся Вере одну тринадцатую часть во владении домом. Эту сумму она уже успела получить в виде денег. Столь небольшой суммы далеко не достаточно, чтобы купить другое жильё, но она поможет не пропасть в первое время.

Соседи и друзья семейства Хименесов — Родригесы — говорили Вере, что здесь какой-то подвох, а дом по всей справедливости и по завещанию должен принадлежать ей, говорили, что здесь какая-то подтасовка, предлагая Вере помощь и кров, пока они все вместе не разберутся в этом деле. Но Вера, понаблюдав за претендентами на недвижимость, а теперь уже и владельцами, решила с ними не связываться.

Утраченной недвижимости ей вовсе не было жалко, сожалела она больше о прошлом, которое будет выметено отсюда как ненужный мусор. Ну да ладно, она постарается сохранить в воспоминаниях всё, что получится, а также те немногие предметы, оставшиеся от матери и дедушки, которые Вера смогла взять с собой.

Часики матери были сейчас на её руке, а несколько книг, что ей когда-то покупал дедушка, упакованы в рюкзаке. Там же, аккуратно завернутые в футболку, лежали два её игрушечных друга — плюшевые Вомбат и Кенгуру, оставшиеся с глубокого детства и бывшие когда-то составной частью великолепного «Австралийского трио», третий участник которого — Коала — был подарен Верой её подруге Марисоли, у которой тоже была плюшевая коала, временами выглядящая очень грустной. Вера об этом знала и потому подумала, что если коал станет две, то тогда той, первой, не будет грустно. Такой подарок многого стоил, ведь у обеих девочек игрушек было раз два да обчёлся, и они не были приучены ими разбрасываться.

Ещё в рюкзаке лежали фотографии матери и дедушки, а также пара снимков Вериного пёсика Жўки, останки которого были закопаны здесь же в одном из уголков дворика несколько лет назад. Вера подошла к этому месту, присела и, приложив руку к земле, попрощалась с четвероногим спутником её молодости. А ранее этим утром она побывала на месте последнего успокоения матери и дедушки, чтобы проститься и с ними.

Посмотрев ещё раз на дом, Вера вышла на улицу, прикрыв за собой калитку, после чего быстрым шагом направилась в сторону автобусной станции.

Глава 2

Марисоль Флорес, подруга с самых ранних лет, а теперь и единственная, стояла уже там, махая издалека рукой. Раньше были ещё две девочки, но их родители переехали в другие места, и с тех пор бывшие подруги потеряли связь, так как соцсети тогда находились ещё в зачаточном состоянии, да и об интернете подруги только слышали, и даже мобильных телефонов не имели. В последние годы предпринимались попытки найти уехавших девочек, но они не увенчались успехом. Не исключено, что родители девочек вообще решили уйти от цивилизации, поселившись после в лесах, чтобы питаться листьями и травами, и купаться в озёрах с утками. Одна из девочек, как запомнила Вера, просто обожала уток, всегда таская с собой резинового утёнка по имени Жу-Жу, который, по словам девочки, был своенролен и не всегда её слушался. Имя утёнка запомнилось, поскольку оно было похожим на имя пёсика Веры.

Марисоль хотела прийти сегодня пораньше прямо домой к Вере, но из-за необходимости вести в школу младшего брата, успевала только на автостанцию.

— Ну как ты, Вера? А может, всё-таки передумаешь и останешься здесь? У Родригесов или у нас — мои родители не против, даже хотят этого.

— Нет, что ты, так ничего не выйдет, — ответила Вера. — И у вас, и у Родригесов много людей в доме. И без меня-то тесно. Да и потом... поживу я несколько месяцев, предположим, а дальше что? Всё равно придётся снимать жильё, а за работу здесь много не платят, которую ещё и найти надо, — мои же деньги быстро закончатся. Так что придётся уезжать, хоть и не хочется. Но ты обещала приехать ко мне, как только я устроюсь. Приедешь, Марисоль?

— Я бы хоть сейчас поехала, если бы мой братик не рос таким сорванцом и мне бы не было нужды следить за ним до конца учебного года. А уж там мы как отправим его к бабушке с дедушкой, так я сразу и приеду. И, может быть, я уговорю родителей позволить мне остаться с тобой на лето, а если будет возможно, то и подработаю там. Посмотрю на Санта-Эсмеральду.

— Скорее бы уж ты приехала, — облегчённо воскликнула Вера, — а то я так боюсь!

— Брось, я знаю, что всё будет хорошо, — попыталась успокоить её Марисоль безосновательным утверждением. — К тому же ты не первая сельская девушка, которая боится большого города. А вот приедешь, попривыкнешь и станешь ещё посмеиваться над нашим городком.

— Хи-хи-хи, нет, со мной такого не будет. Ты же знаешь, что я не зазнайка и вообще люблю тишину да покой, а в городе этого нет.

— Да знаю я, знаю. Ой, смотри, вон твой автобус разворачивается. Иди садись в него, устраивайся на ту работу, о которой ты мне говорила, и жди меня.

Подруги обнялись, немного подержались за руки для обмена таинственными силами истинной дружбы, после чего Вера вошла в пока ещё душный салон автобуса.

Глава 3

Сев возле окошка, она достала телефон и ещё раз посмотрела на сообщение, в котором было сказано, как добраться до дома сеньоры Мендес, — там Вера надеялась получить работу.

Увидев объявление на сайте с вакансиями, публикуемыми без посредников в виде кадровых агентств, она решилась позвонить, так как объявление ей понравилось. Оно было следующим:

«В дом сеньоры Мендес требуется прилежная и уравновешенная помощница, не болтливая и знающая толк в домоводстве. Предоставляется комната для проживания и полноценное питание. Оплата удовлетворительная. Необходимые страховые и прочие отчисления гарантируются».

На звонок ответили женским голосом:

— Да? Я вас слушаю.

— Это сеньора Мендес? Меня зовут Вера Хименес. Я хотела бы спросить о работе в вашем доме.

— Госпожа Мендес вопросами трудоустройства помощниц не занимается. Меня же зовут сеньора Суарес — я управляю хозяйством этого дома. Сколько вам лет, каково семейное положение и откуда вы?

Вера ответила.

— Хорошо, мне нужно на вас посмотреть. Можете подъехать в любой день с 9 до 12 часов утра, но лучше не затягивать. До свидания.

— Но как?... — Вера не успела спросить, куда ехать.

Ей было известно только то, что дом сеньоры Мендес находится в Санта-Эсмеральде. Но тут Вера услышала звук уведомления о поступившем сообщении и, открыв его, увидела подробное объяснение того, как добраться до дома. Видимо, шаблон сообщения был заготовлен заранее, как раз на такой случай.

В тот же день Вера посоветовалась с сеньорой Родригес и Марисолью, поскольку было немного боязно, но те не нашли ничего предосудительного ни в объявлении, ни в телефонном разговоре, — только сеньора Родригес, покачив головой, в который раз сказала:

— А всё же лучше б ты осталась с нами. Анхель, ну что же ты молчишь, скажи тоже! — обратилась она к мужу.

— А я что? Разве я не говорил Вере сто раз, что мы рады её принять, но она вот надумала куда-то уезжать.

Однако у Веры была ещё одна причина уехать, кроме той, что она не хотела стеснять Родригесов и Флоресов, и не особо надеялась на какое-то изменение ситуации вокруг её бывшего дома. Она подумывала найти своего отца в Санта-Эсмеральде, хоть и не была уверена, что займётся этим, и поэтому никому не говорила о плане, а только намекнула Марисоли на то, что, возможно, ей придётся разрешить одну очень важную загадку, касающуюся её отца. Марисоль не придавала особенного значения этим словам, подумав, что подруга просто напускает таинственности, как это иногда любят делать девушки и женщины их городка под названием Три Енота. Но для Веры всё было вполне серьёзно.

Дело в том, что её мать с самого детства Веры, ещё с тех времён, когда они жили вдвоём, без дедушки (он переехал к ним только после смерти бабушки, вскоре после поступления Веры в школу), — с самого её детства мать очень неохотно говорила о Верином отце. А как-то раз, когда дочка подросла, поведала ей то, что её отец был пропащим человеком и пьяницей, который их бросил, чтобы спокойно продолжать развлекаться и пьянствовать. С тех пор Вера предпочитала не вспоминать об отце, думая, что раз ему приятнее веселиться вдали от семьи, то они не больно-то и плакать будут. Хотя всё же хотелось на него поглядеть! Однако уже после

смерти матери, разговаривая как-то вечером с бабушкой за чашкой чая, она услышала от него вопрос: «А как там Марко, твой отец? Селеста ничего о нём не говорила? Может быть, они иногда общались, — я всё забывал спросить? А теперь уж и не спросишь...»

Вере было странно слышать предположение о том, что её мать могла продолжать общаться с таким жалким человеком, и она сказала об этом деду.

«О-хо-хо, красива была Селеста, этого не отнимешь, а вот умом не всегда блистала, да и взбалмошная к тому же. Всё, что она тебе наговорила о Марко — это выдумки. Она сама его прогнала, считая, что будет ему в тягость, потому как он был студентом, изучающим литературу, а она простой девушкой. И несмотря на все его уговоры Селеста своего добила, он же уехал навсегда. И всё почему? Потому что у неё нарушился баланс упрямства и ума с большим перевесом в пользу первого. А ведь я всегда говорю, что людям надо учиться у ослов: те и упрямые, когда надо, и умные одновременно».

А поскольку отец учился в Санта-Эсмеральде, Вера задумалась о том, чтобы найти его и, может быть, даже познакомиться, для начала посмотрев издали, дабы решить, возможно ли это. Сейчас, когда она осталась одна, ей особенно сильно захотелось встретиться с отцом. Может, он захочет посоветовать ей, как лучше устроиться в большом городе. И ещё одно: бабушка говорил, что по последним, хоть и очень давним сведениям, после выпуска Марко работал в университетской библиотеке, а у Веры сложилось своеобразное представление о библиотеках под впечатлением рассказа бабушки о жившем некогда в их городе Старом Еноте.

Глава 4

Он был библиотекарем, заведовавшим центральной и единственной публичной библиотекой в Трёх Енотах. Вся его разумная жизнь, если можно так выразиться, была связана с вопросом происхождения названия города, которое было странным, тем более что еноты в этих местах никогда не жили.

Ещё в молодости Старый Енот, а именно так его все звали за глаза, пришёл к выводу о том, что название города никак не могло возникнуть из-за состава местной фауны, ведь в таком случае город нужно было бы назвать Три Кролика — их-то водилось полно в округе. Изначально же город имел другое, какое-то дурацкое название, о котором нечего здесь и вспоминать. А связано новое название городка с неким тайным обществом, созданным тремя выходцами из Старого Света, занимавшими некогда видные места в жизни города. Фамилии тех европейцев были ими изменены на мексиканский манер, а прежние забыты. По имеющимся данным, каждый на своей родине пользовался славой человека учёного, эрудированного и любознательного. Но на основании чего же Старый Енот решил, что стараниями этих достойных людей было организовано тайное общество? Да, в общем, не было особых оснований, кроме, пожалуй, упоминания в одной из городских хроник того, что однажды эти трое, бывшие друзьями, получили из Европы груз загадочных книг, содержание коих неизвестно. Хотя надо сказать, что для жителей городка любая книга была загадочной, поскольку книг никто толком и не видел, кроме Библии, но и её прочитать могли лишь немногие.

Что касается поступивших книг, то сохранились сведения только об одной из них, но и этого было достаточно, чтобы привести в трепет знающего человека, ибо та книга — это печатное издание шестнадцатого века рукописи Ансельма Мохнатого «Извлечение сущностей из кристаллов».

Ансельм был монахом, принявшим обет молчания и жившим в шестнадцатом веке. Он писал благочестивые труды во славу Церкви — во всяком случае, люди так думали до его смерти, но после в его келье обнаружили странные и пугающие рукописи с изображениями разнообразных демонов.

Настоятель монастыря, потрясённый, воскликнул: «Запечатать эту дьявольскую дыру именем Господа! Но прежде надо вынести оттуда богопротивные свитки, дабы предать их огню!»

«Сже-е-е-чь!» — прокричал тонким голосом, пробравшийся в келью послушник, после чего один из братьев крепко ухватил его за ухо и вывел вон.

Дождавшись, пока затихнут последние «ай-яй-яй» и «ой-ёй-ёй», настоятель продолжил: «Не медлите, братья! А мне надо сообщить об этом прискорбном случае в высшие инстанции».

Всё было исполнено — келью засыпали землёй до потолка через проделанное в крыше отверстие, ибо так оказалось удобнее, поскольку крыша едва возвышалась на землёй. Во время этой операции на голову Ансельма просыпались бесчисленные проклятия, так как монахам было тяжело, поскольку монастырь не отличался строгим уставом, а многие братья имели склонность к избыточному весу. Однако они всё же не забывали добавлять к проклятиям: «Господи, прости раба твоего за злословие на брата своего, да прости раба божьего Ансельма за его прегрешения».

Рукописи были сожжены, но один из монахов смог сохранить главную работу Ансельма, а позже её переписали.

В «Извлечении» говорилось о том, что в любой материи содержатся зёрна жизни, нужно только уметь их взрастить, а проще всего, как полагал Ансельм, из кристаллов. И он утверждал, что ему это однажды удалось после многодневных бдений над кристаллом кварца.

Как-то за полночь сомкнувший веки Ансельм услышал шорох и, наконец, увидел! Явившаяся сущность была размером с крысу, но тело имела формой походящее на морковь. При первом контакте существо, укусив Ансельма за палец, спряталось под ложе монаха. Кое-как он его оттуда достал и успокоил, а после смог наблюдать за зверем несколько дней. Вот типичный отрывок из его трактата:

«Создание это, весьма сообразительное и ловкое, пожалуй, превосходящее мою, бывшую частой гостьей этой кельи, но уже почившую крысу, которую я про себя называл Рудольфо. От еды и питья зверь отказывался — только обнюхивал сухари, но никаких признаков голода или жажды я в нём не увидел. Заметил, однако, спустя недолгое время, что существо как бы теряет свой первоначальный желтовато-оранжевый цвет, становясь прозрачным. И вот, наконец, уже почти невидимый, зверь помахал мне лапой и исчез. Молюсь, чтобы он оказался в хорошем месте.

Я был, само собой, опечален, поскольку успел привязаться к этому любопытному и ласковому существу, так похожему на маленького человечка. Но более надежды вызвать его или кого другого у меня нет, поелику я уж не имею кристалла. Где найти ещё, ума не приложу. Есть в нашей обители священная реликвия — нога святой Иустины, а на ней туфля с камнями, но о таком святотатстве — похищении камня, я даже думать боюсь».

Эта чудовищная рукопись «прославила» и опозорила монастырь, отчего он постепенно захирел, а монахи разбежались.

За характерные особенности строения тела того существа шутники из узкого круга лиц, знакомых или слышавших об этом труде, прозвали его «Извлечением морковных человечков, или Волшебной Крысой».

Будучи много лет буквально одержим желанием раскрыть тайну происхождения названия городка, Старый, а точнее, тогда ещё молодой Енот, наткнувшись на запись о книгах, слегка повредился рассудком, и в его голове оформилась навязчивая идея о тайном обществе. А дальше уж он разукрасил её на свой вкус. Для создания очередной детали той реальности, в которой существовало это общество, Старому Еноту требовалось немного. Например, упоминание о том, что у одного из трёх друзей дверь в дом была выкрашена белой краской (что нетипично для здешних мест), вскрыло для Старого Енота целый пласт из жизни тайного общества. Но это было грандиозное открытие, а обычно старый библиотекарь просто думал-думал и вдруг находил ответы на все вопросы, и тут же всё это записывал, высунув при этом кончик языка по привычке. Его супруга, видя это, смеялась в кулачок, думая при этом: «Старый пёс опять взялся за своё».

Но не следует считать, что слово «пёс» было ругательным, ведь жена Старого Енота очень любила собак и считала их лучшими друзьями человека, и ещё ослов. А вот котов терпеть не могла, всегда подозревая в них волков в овечьих шкурах, однако же в детстве у неё был кот, и его она любила. Но что-то мы отвлеклись.

Глава 5

Всё вышесказанное, что касается личности библиотекаря, было обычным представлением крепкого, но неглубокого ума о Старом Еноте. А точнее, представлением местного психолога сеньора Переса, любившего ходить во всём белом и ласково улыбаться женщинам и детям, однако дедушка Веры, который был хорошо знаком с Алехандро (настоящее имя библиотекаря), смог рассказать внучке много интересного о жизни и взглядах этого человека. Дедушка предупредил Веру, что не следует считать библиотекаря каким-то уж совсем чокнутым, поскольку все его чудачества касались лишь тёмной истории с названием города, а в остальных вопросах он был совершенно разумен.

Из рассказов дедушки следовало, будто Алехандро полагал, что три выходца из Европы учредили тайное общество Друзей Истины, и символом этого общества стал енот-полоскун.

Друзья хотели добиться выделения чистой истины, не замутнённой сором субъективизма, а енот-полоскун известен тем, что промывает да полощет еду перед употреблением. Вот и друзья старались так же очищать мысли от всего наносного и чувственного, пытаясь увидеть ноумен — вещь в себе, — такой, какая она есть вне зависимости от чувственного восприятия, которое является не вечным и глубоко зрящим, а преходящим, то есть феноменом. Друзья пытались получить эссенцию чистейшего знания, которую они смогут использовать во благо будущего и более совершенного, нежели сейчас, Человечества.

Инструментами для чистого познания служили, например, долгие дискуссии, в которых избегались шумные споры, а приветствовались лишь честные аргументы и доказательства. Проходили же эти собрания только после длительного и дотошного изучения всего возможного материала по интересующему вопросу. Но все их усилия не могли бы принести результатов, если бы друзья не стояли за воспитание в себе самодисциплины, самоограничения, да что уж там — полного отречения от всех соблазнов, так как они лишь растравливают чувственность человека, делая его эмоциональным, — закрывая тем самым дорогу к Ноумену.

Кажется очевидным, что это общество было наивным плодом эпохи Просвещения с распространённым тогда упованием на доступность Вселенной для познания одним лишь усилием разума, если он достаточно могуществен. Хотя стоит добавить: у нас-то всё же нет настолько всемогущего разума, который способен с точностью заключить, что Друзья Истины ошибались, но, может быть, у кого-то другого и есть.

По словам Старого Енота, один из животрепещущих вопросов для тайного общества был следующим: «Имеется ли способ поместить сознание в кристалл?»

К сожалению, для Алехандро остался неизвестным результат этого исследования.

«Ты должна понять, Вера, что тут Алехандро сам нарушил принципы излюбленного им тайного общества — настоящего или мнимого, — поддавшись фантазиям», — добавил дедушка.

Задумавшаяся Вера, очнувшись, спросила: «Так можно или нет? Поместить в кристалл?»

Дедушка посмотрел на неё с укором, и Вера, уже совсем опомнившись, ответила: «А-а-а, поняла-поняла, дедушка».

Он продолжил:

— По словам Алехандро, во главе тайного общества стоял предводитель — Мастер Чистоты или кто-то наподобие, и его знаком являлась белая дверь. Такая дверь означала, что это дом Мастера, который в наибольшей степени постиг искусство очищения мысли. Вероятно, у них существовала своего рода цветовая маркировка, и тогда двери других членов этого маленького братства должны были иметь какие-то цвета, вроде голубого, бирюзового или другого в том же духе. Кстати, тот памятник на центральной площади как раз и посвящён их обще-

ству. Он не является только лишь материальным воплощением названия города. Его установкой начал заниматься сам Алехандро незадолго до своей кончины.

— А-а-а, Три Бобра, — улыбнулась Вера, вспомнив о памятнике перед мэрией, возле которого им нравилось сидеть на лавочке с Марисолью и пёсиком Жүкой.

Неправильное произнесение Верой названия памятника Трём Енотам, имеет своё объяснение. Дело в том, что по мысли библиотекаря, три енота, сидящие полукругом перед каменной чашей, должны были держать в лапах рукописные свитки. В этой чаше, содержащей Воду Очищения, они как будто хорошенько прополоскали учёные свитки, а после вынули и смотрели, уже довольные Стиркой. Но скульптор, которого отыскал Алехандро, был не слишком-то хорош в своём деле, ну а что, как говорится, «вы хотите за такие деньги»? Вот поэтому жителям города и казалось, что еноты похожи на бобров, которые держат в лапах по полену в предвкушении лакомства, к тому же они получились слишком мордастыми, тогда как у настоящих енотов мордочка острая и слегка вытянутая. И хотя многие жители города прекрасно знали название памятника, но всё-таки упрямо продолжали называть его «Тремя Бобрами», и теперь уж изменить это невозможно.

— Кстати, ты помнишь, как-то раз, когда мы ходили проведать Селесту и бабушку, я тебе показал место последнего успокоения Алехандро?

— Помню, дедушка, очень хорошо, там ещё было красивое стихотворение на камне.

— Это называется эпитафия. Но в действительности вместо того простого камня там должен был находиться барельеф с изображением енота, однако этому воспротивилась жена Алехандро, когда тот отдавал последние распоряжения, предчувствуя близкую кончину. Его жена пожаловалась моей жене — то есть твоей бабушке, когда та ещё была жива, поскольку они дружили. Рассказала она ей следующее:

«Прихожу я, значит, домой с рынка, а Алехандро, лежащий в постели, посмотрел на меня торжественно и приказал взглядом подойти. (Вера позже пыталась проделать то же самое с Марисолью, но та лишь спрашивала Веру, зачем она выпучила глаза.) Подхожу, значит, а он и говорит: „Возьми из верхнего ящика моего стола то, что я приготовил когда-то. Это листок в бордовой папке — моё последнее желание”.

Ну пошла я, взяла, но ничего сразу не поняла — увидела лишь какую-то жуткую картинку. Я спросила: „Что это, Алехандро?”

А он и говорит: „Посмотри внимательнее. Это изображение барельефа, который должен быть установлен в том месте, где я намерен спать вечным сном”.

Я поглядела внимательнее, как он и просил, а когда разглядела, то прямо-таки похолодела — на картинке было изображено чудовище! Оно сидело на задних лапах, а лапы огромные — как у медведя! А само-то тело не больно большое — но уродливое! В передних лапах оно держало книгу, а на шее у него покоилась человеческая голова со свирепой рожей.

Я спросила мужа дрожащим голосом: „Что это за гадость такая — прямо смотреть противно?!”

А он отвечает:

— Как же ты не видишь? Ведь это енот, но вместо енотовой у него моя голова. Я держу книгу, которая показывает мою любовь к знанию. Там на камне ещё и эпитафия будет.

— И ты хочешь, чтобы я установила это в том месте, где покоятся все наши предки? Ты хочешь, чтобы возле этого камня собирались какие-нибудь дьяволопоклонники по ночам, а днём над нами потешался весь город? Тогда уж сразу и для меня придумай памятник, поскольку я умру от стыда.

Тут, видно, Алехандро посмотрел на это с моей стороны или ещё что, да только он махнул рукой.

„Но эпитафия там быть должна — это моё последнее слово. Она в синей папке. Поди возьми и прочитай”».

— Вот видишь, Алехандро не был сумасшедшим, поступив вполне разумно в этой ситуации.

— Да, я вижу, дедушка. И то стихотворение я запомнила:

Мудрей Енота твари нет,
Ведь в лапах он несёт
Сознания свет,
Чистейший вымытый Водю,
Из Чаши, Претворяющей земное
В Неземное...
Вечное!

Глава 6

Сев в автобусе у окна, Вера смотрела с тоской на окраины Трёх Енотов. Уже перед самым выездом на трассу она увидела кочковатое поле, поросшее не слишком густой травой. Такое же, только на другом конце города, было одним из любимых мест для их прогулок с Марисолью. Они приходили на поле увидеть кроликов, водившихся там в немалом количестве, но видели редко — это была большая удача, так как те очень пугливы. Увидев неосторожно высунувшегося крольчонка, они хватали друг друга за руки, тянули за края одежды и прижимали пальцы к губам, чтобы не спугнуть животное. Но кролик быстро замечал нарушителей, замирал от неожиданности и после исчезал в мгновение ока. Такое событие они с подружкой считали предвестником чего-то хорошего. А вот в последние месяцы никаких кроликов девушки не видели — и вон как всё обернулось.

«Ну ладно, пусть это глупости и кролики не знают будущего, но как я буду жить вдали от тех мест, где знала почти каждый уголок? Видимо, это будет не жизнь, а мучение...» — такие мысли терзали Веру.

Тут ещё вспомнились те, которые забрали дом. Эти люди определённо не были знакомы с гуманистическими воззрениями на жизнь, но были искушены в житейских хитростях. Пронрыливые и нахрапистые, они добивались своего, не оглядываясь ни на что, с бездушным упорством механизма, но механизма бесполезного, существующего только во имя себя. Так мог бы сказать о них дедушка.

Вера же видела таких людей впервые и до недавнего времени считала, что подобные им бывают только в каких-нибудь фильмах, а в жизни все люди если уж и не совсем распрекрасные, то, по крайней мере, такие, с которыми можно договориться, исключая психически больных.

А ведь поначалу они ей понравились. Выглядели модно, разговаривали гладко, шутили иногда. Она даже обрадовалась им, полагая, что дальнейшая жизнь обустроится как-то так, что все останутся довольны и они начнут дружить, тем более Вера и не понимала толком, зачем они здесь. Но оказалось, что они меняют маски с лёгкостью, когда считают это нужным, а после того как раскрыты, показывают зубы. Тут дедушка Веры мог бы добавить — будь он жив, что они едва ли сознавали свою бесчестность. Эти люди просто делали то, что считали для себя выгодным и не скрывали этого, правда, только после того, как их намерения становились видны. Так что, может быть, они даже думали о себе, как о честных и открытых людях, не прячущих свою хищническую натуру за притворной добродетелью. Во всяком случае, так они, вероятно, понимали честность.

У этих людей всё было какое-то морально вывернутое, словно они жили в королевстве кривых зеркал, где хитрость считается умом, мошенничество — нормой общественных отношений, а справедливостью является то, что приносит доход.

В общем, Вере хотелось больше никогда их не видеть, и она понимала, что ей ещё повезло. Видимо, обойти какие-то законы они не смогли, чтобы обобрать её подчистую, и поэтому им пришлось раскошелиться. То-то в последнее время они смотрели на неё так, словно Вера их обворовала.

Она пообещала себе, что вспоминает об этих людях в последний раз, и в дальнейшем постарается гнать мысли о них.

Чтобы отвлечься от тягостных дум, Вера достала наушники, включив песню одной некогда известной мексиканской певицы, теперь уж никому не нужной.

Глава 7

Показались предместья Санта-Эсмеральды. Далеко ли отсюда до автостанции, Вера не знала, но ей уже шибко не терпелось выйти и купить воды, так как она совершила оплошность, забыв взять что-нибудь попить в дорогу. У неё было лишь два яблока, но съесть больше одного она не смогла, да и то не доела, поскольку яблоки оказались кислыми. Пришлось терпеть ещё сорок минут, прежде чем автобус добрался до конечной.

Вера бросилась к первому же увиденному лотку с напитками и, втридорога заплатив за воду, наконец утолила жажду. Ей было известно, что до дома, где предлагалась работа, можно дойти пешком минут за сорок, но время уже второй час, а туда надо приходиться до полудня. Ночевать на вокзале не хотелось, да и можно ли? Поговорив с продавщицей воды, она узнала, что рядом есть дешёвый отель. Туда она и отправилась. В отеле не было ничего интересного, а Вера всего лишь хотела дожидаться утра, чтобы явиться в дом сеньоры Мендес, и если всё получится, то там и остаться хоть на какое-то время. За прошедший день Вера убедилась, что кочевая жизнь её совсем не привлекает. Разумеется, быть прислугой — это противоречило всему, что говорил ей дедушка о достойной человека жизни, что означало приносить пользу обществу, а не обслуживать эгоистические интересы отдельных лиц, но сейчас выбирать не приходилось.

Утром, расплатившись за ночлег, Вера пошла тенистыми улочками, застроенными в основном двух- и трёхэтажными домами обеспеченных горожан. Этот район был самым богатым и самым тихим в городе, за исключением его центральной площади и прилегающих к ней улиц, на которых расположились заведения, необходимые людям с деньгами, — такие, где можно дорого поесть и стильно приодеться. Впрочем, там же располагались: университет, школы, общежития для студентов и многоквартирные дома, где проживала по большей части прислуга и обслуга богатых жителей этого района. Лишь проходя через площадь и окрестности, Вере начал немного нравиться этот район. Тут было как-то дружелюбнее, проще и в целом легче, нежели в удручающе-скучной череде дорогих ультрамодных особняков, которые, несмотря на вложенные в них средства, вызвали уныние, а иногда и отвращение, наступающие после первоначального восхищения ухоженностью и необычностью домов.

Строения эти выглядели кичливо и нередко нарочито отрицающими единство архитектурного стиля и какую-никакую связь с прошлым, да и вообще с чем-либо. Однообразие этого, в конечном счёте, самолюбования и навевало скуку, но оно в большей степени было даже не внешним, а скрывающимся в надменном посыле, который можно выразить следующими словами: «Здесь живёт пуп земли, а мир вокруг существует строго до тех пор, пока он живёт. Только удивительная и невероятно продвинутая личность владельца особняка создаёт в сознании всё, что вообще есть, а без неё — без удивительной личности — ничего нет».

Лишь два, громко орущих друг на друга кота, едва-едва оживляли бездушный пейзаж. Коты ходили кругами, шипели и взвизгивали, всячески пытаясь уstrasшить соперника, но всё безрезультатно, поскольку оба были одинаково могучи и злобны. Вскоре Вера миновала центральную площадь района.

Немного подивившись про себя непривлекательности богатых улиц, она, наконец, добралась до дома сеньоры Мендес, который находился в старой и, как принято говорить — «аристократической» части района, а ту, модную часть, которую ранее прошла Вера, заселяли в основном айтишники и биржевые спекулянты, о чём она узнала позднее.

Глава 8

Впустила Веру в дом женщина с очень аккуратной укладкой волос, одетая в серую юбку с пиджаком и розовую блузку. Она была похожа на политика во время предвыборной кампании, но это была сеньора Суарес. Она провела посетительницу в небольшую комнатку с письменным столом, сейфом и шкафами.

— Значит, ты из небольшого городка, который называется Три Енота? Какое странное название! Даже нелепое. Пожалуйста, не обижайся. Ответь, Вера, тебе нравятся всякие молодёжные забавы? Какие там сейчас в моде?

— Я... я не знаю, наверное, нет. Я люблю быть дома, читать или что-нибудь делать по хозяйству, встречаться с моей подругой.

— Очень хорошо, это нам подходит. Госпожа Мендес терпеть не может шум и суету. Если ты желаешь здесь работать, то тогда ты будешь выполнять обычную работу по дому, кроме готовки. Для этого у нас есть кухарка сеньора Диас. Она по какой-то причине просит иногда называть её сеньорой Ди, вместо Диас, но неважно. Итак, ты готова поступить к нам на службу?

— Я могу прямо сейчас, — подтвердила Вера.

— Ты хочешь жить здесь? Если говорить начистоту, то это желательно.

— Мне негде остановиться в этом городе, поэтому я бы очень хотела поселиться у вас.

— Вот и хорошо. Пойдём, я провожу тебя в твою комнату, а чуть позже познакомлю с остальными работницами.

Комнатка в задней части дома оказалась очень уютной. В одном углу кровать и тумбочка рядом с окном, напротив — комод. На другой стороне комнаты — стол и два стула, рядом шкаф. Всё было опрятным и сама мебель очень хорошей, а на комод даже стоял телевизор, кивнув на который, сеньора Суарес сказала, что нежелательно при его включении использовать повышенную громкость, и что лучше умеренную. Также она указала на блок управления климатом — в доме была централизованная система кондиционирования.

Дав новенькой час, чтобы устроиться в комнате и отдохнуть, сеньора Суарес снова пригласила Веру в то помещение, где они уже беседовали. Там находились ещё две женщины: сеньора Диас, заведовавшая кухней, и Роза — вторая домработница. Роза приветливо взглянула на Веру, заметив вслух, что их комнаты соседствуют, и теперь ей не будет так страшно по ночам. Вера хотела узнать, почему ей бывает страшно, но сеньора Суарес шикнула на Розу, сказав, чтобы та перестала болтать глупости и лучше бы нашла себе какую-нибудь работу по дому. Та, опустив голову, быстро вышла прочь. Обернувшись к Вере, сеньора сказала: «Немного позже ты узнаешь, отчего Роза пугается по ночам, но, как я и сказала, это всё глупости, которые никого испугать не могут, кроме маленьких детей и Розы. Она очень наивна, — добавила сеньора Суарес. — Наша Роза родом из какой-то глухомани, в которой процветают суеверия, но я надеюсь, ты не из таких, — ты не выглядишь простушкой».

Вера не нашлась, что ответить. Сеньора Диас во время этой беседы не раскрывала рта, а лишь зорко смотрела. Она была высокой и тощей, с туго стянутыми волосами и, по всей видимости, очень сильными руками. Вскоре знакомство было закончено, но перед уходом сеньора Диас, наклонившись к Вере, полушёпотом разрешила называть себя просто Ди, без сеньоры, после чего покинула комнату.

Сеньора Суарес спросила, не хочет ли Вера сегодня отдохнуть и, может быть, сделать какие-то личные дела, чтобы приступить к работе завтра? Вера поблагодарила, ответив, что ей ничего не нужно — она готова начать сегодня же.

«Ну хорошо, — заканчивая напутствия, продолжила сеньора Суарес. — Работать можно в форменном платье — оно удобно, красиво и сшито из хорошей ткани. Но это вовсе не обя-

зательно. Сеньора Мендес предоставляет возможность одеваться помощницам — как она нас называет — так, как нам удобнее, лишь бы одежда смотрелась неброско и прилично. Пригодится тебе платье или нет, но я его выдам, а ты делай с ним что хочешь — оно твоё. Если ты решишь его использовать, то рассчитывай как минимум на полгода носки, после чего сможешь получить новое, если умудришься привести в негодность старое.

Вера посмотрела на тёмно-синее безрукавное платье с плиссированной юбкой длиной чуть ниже колен. К нему прилагался жакет. Платье действительно было красивым, и про него нельзя было сказать, что это одежда прислуги, скорее, оно было похоже на одеяние ассистента, как сейчас называют секретарш. Вера подумала, что будет с удовольствием носить настолько изящное платье, тем более что своей одежды у неё почти не имелось, кроме той, в которой она приехала. Роза, например, носила такое же платье, но с обычной, не плиссированной юбкой. Платье Розы было старой модели, а новое она пока не надевала. Во время знакомства наряд Розы был лишь дополнен кофточкой на пуговицах поверх платья.

«Ступай к себе, а через пятнадцать минут возвращайся. Я покажу тебе дом и дам какую-нибудь работу. С госпожой Мендес ты, скорее всего, познакомишься завтра».

Уже переодетая, Вера прибыла в рабочую каморку управляющей хозяйством.

Глава 9

Дом имел два этажа и подвальные помещения — о последних, впрочем, Вера не догадывалась. Второй этаж полностью занимала сеньора Мендес, а на первом она появлялась в основном в гостиной, соседствовавшей со столовой, и в прихожей. Остальные помещения первого этажа занимали: кухня, комнаты помощниц и хозяйственные помещения.

— У нас ещё есть садовник, он же и водитель, но в дом Хуан не заходит и ни с кем не разговаривает, кроме своей собаки. Она всегда сидит во дворе, но ты её не бойся: пёс хоть и страшный на вид, но он не кусается и не лает. Садовника зовут Хуан... ах да, я ведь сказала. Он здесь уже лет десять.

— Хорошо, — кивнула Вера.

— К нашей госпоже приходят каждую неделю подруги-спиритуалистки и одна, как бы сказать... не вполне нормальная, но мы должны проявлять уважение к слабостям хозяйки. Госпожа увлекается призыванием духов, и та, которая не совсем нормальная, — её зовут мадам Аврора, — ей в этом помогает. Этих-то сеансов и боится Роза, а вернее, того, что, по её мнению, может остаться после сеансов в доме. Но это всё выдумки. Мне 53 года, и я ни разу за всё время нахождения в этом доме не видела и не ощущала каким-то иным способом даже намёка на сверхъестественное. Но сколько же самых жестоких и беспринципных мошенников кормится за счёт легковых людей! Надеюсь, что ты, Вера, ни во что подобное не веришь?

— Нет, не верю, сеньора Суарес, но всё равно немного страшно.

— Ну ещё бы не страшно, когда рядом слоняются люди, столь похожие на сумасшедших, — вот от них-то можно ожидать чего угодно, в отличие от призраков. Но, к счастью, те люди, которые приходят к госпоже, безобидны. Особого вреда и от самой мадам Авроры нет, так как денег она берёт немного, а три вдовы и вовсе божьи одуванчики. В основном сеньоры приходят сюда поболтать и поесть. Это у них называется «восполнить упадок сил после сеанса». Ну вот, теперь ты знаешь тайну этого дома. Я должна была об этом рассказать для твоего спокойствия, Вера, но ты об этом никому не говори — госпожа Мендес не хочет, чтобы о ней шушукались. Но её главное опасение состоит в том, что как бы сюда не слетелись фальшивые медиумы и охотники до наживы, ведь мадам-то Аврора в отличие от них, по мнению госпожи, подлинная духовидица. Да и вообще, она женщина достойная, несмотря на странности. Если ты с ней столкнёшься, и она начнёт пристально тебя изучать — ты потерпи — это мадам Аврора так ауру прозревает.

Вера кивнула.

«Ну а сейчас ты можешь взять тряпки и пройти по дому, смахивая пыль. И на сегодня хватит с тебя. Ужин в семь. А то перекуси сейчас? У нас на кухне имеется уголок, если хочешь поесть в компании, или можешь забирать обеды-ужины в свою комнату — никто не обидится. Ну, ступай.

Вера в течение нескольких часов бродила по дому, стирая пыль то там, то здесь, время от времени увлажняя тряпки, получив при этом обходе достаточное представление об особняке. В нём нигде не было заметно следов броской роскоши, но тем не менее чувствовалось, что здесь всё дорогое, хотя и не современное. Вера впервые увидела воочию мир старых денег и бывшего политического влияния. В доме имелось много лакированного и потемневшего дерева, тяжеловесная затейливая мебель разных эпох, множество картин, ваз, бюстов и статуэток. В углу гостиной на столике меж двух кресел стоял граммофон. Почти везде можно было увидеть книги: в шкафах, шкафчиках, на полочках и на столиках. Вере стало интересно узнать, что за книги здесь читают, но первое время она опасалась, как бы её не отругали, однако любопытство всё же пересилило и она взяла увесистую книжечку с полки. Это оказался медицинский атлас.

Картинки, подобные тем, что были нарисованы в атласе, — то есть изображения человеческих органов — Вере не нравились, и она, быстро закрыв книгу, поставила её на место. Следующая оказалась непонятной, как и фамилия автора, которая, видимо, была русской, — Мечникoв (Мечников), — что-то созвучное с механизмом, мехом, если по-английски, но, наверное, это что-то другое. Книга и была на английском языке, который Вера знала плохо. Его хоть и преподавали в школе, но большого значения ему не придавалось, да и дедушка привил ей настроженное отношение к англоязычным народам, точнее, к их политическим системам, поэтому Вере не особенно и хотелось учить этот язык. Полистав немного, она наткнулась на картинку, название которой Вера смогла перевести так: «Встреча с кретином в горах». Хм-м, видимо, она неверно перевела.

Название книги намекало на то, что здесь написано нечто об оптимизме или об оптимистичности по отношению к чему-то (имеется в виду книга русского биолога И. Мечникова «Этюды оптимизма»). В предисловии, если она верно поняла, говорилось о поисках долголетия, а может, и просто долгожителей. Хоть было и интересно узнать, что там с долголетием, но лучше попробовать найти такую же на испанском языке.

Глава 10

Около семи часов вечера Вера, войдя в кухню, увидела там живого мистера Пакмана. Упитанный розовощёкий колобок лет двенадцати сидел за столом, закидывая в рот какие-то жёлтые шарики. Сеньора Диас, стоявшая рядом с ним, представила Веру, а ей — своего внука, которого звали Фелипе.

Он с набитым ртом произнёс «привет», после чего сеньора Ди дёрнула его за ухо:

— Ай-яй-яй, бабушка! За что? — возмутился Фелипе. — Я ничего не сделал!

— Встань и поздоровайся как положено. Перед тобой стоит девушка, которая старше тебя, а ты тут жуёшь и даже не соизволишь приподняться.

— Ой, я не подумал, — смутился Фелипе и, встав, произнёс: «Здравствуйте, Вера».

Она смутилась гораздо больше него, поскольку не любила быть в центре внимания, но сеньора Ди уже позвала её к столу, спросив заодно, что бы она желала съесть.

— Я съем то, что вы дадите.

— Ты ешь сладкое? Ведь многие девушки следят за фигурой — я потому и спрашиваю.

— Мне нравится сладкое, и я от него не толстею, — ответила Вера, снова смутившись и подумав о Фелипе, который может обидеться, решив, что она намекает на его избыточный вес. Но он ничего не слышал, будучи полностью увлечён поглощением шариков.

Вскоре к собравшимся присоединились Роза и сеньора Суарес — они пришли вместе. Две старших женщины почти ничего не ели, а молодым предлагались добавка за добавкой, только Фелипе пришлось ограничить. Не сделай этого сеньора Диас, он бы не остановился до тех пор, пока ему не стало бы дурно.

Схватив рюкзак, Фелипе громко сказал:

— Ну я пошёл, бабуля, мне надо к Карлосу.

— Куда вы потом?

— Да мы просто погуляем и домашку сделаем.

— Чтобы в девять был дома, а то мать снова будет нервничать, — напутствовала его бабушка.

— Ладно-ладно, буду я в девять или немного позже.

— Я-я-я те-е-е-бе! — хотела поймать его за рукав Ди, но он, увернувшись, громко крикнул «до свиданья» и побежал, топая что твой слон. Бабушка с любовью посмотрела вслед жизнерадостному массивному мальчику, кормление коего явно шло впрок.

«После семи вечера твои услуги вряд ли понадобятся, Вера, так что ты можешь выходить прогуляться перед сном в это время. Ну а твой выходной, это вторник, — ты свободна на весь день, — заметила сеньора Суарес, сидя вполоборота к Вере. — А у Розы выходной — среда, поэтому в эти дни у одной из вас может быть чуть больше работы. Однако, если вам очень надо, то можете попросить друг дружку о подмене. Но лучше не увлекайтесь гулянками, а работайте да копите деньги. В наше время бедность не была зазорна, но сейчас для новых людей всё решают только деньги, так что они не помешают, когда имеешь дело с нынешними людьми», — продолжила сеньора Суарес.

— Ты уже немного освоилась в доме, Вера? — снова обратилась к ней домохозяйка.

— Да-а-а, дом очень красивый и уютный, и так много книг везде!

— Ты ещё библиотеку не видела — она на втором этаже, — ответила экономка. — Кстати, если ты любишь читать, то можешь брать любую книгу из тех, что не в библиотеке, — наша госпожа это разрешает. Но можешь взять и в библиотеке, если спросишь у сеньоры. Завтра, я думаю, ты её увидишь. Недавно я доложила о новой помощнице, и госпожа хочет с тобой познакомиться. Ты её не бойся, она совсем не похожа на своих предков.

— А какими были её предки? — спросила Вера.

— Такими, от которых лучше находиться как можно дальше. Но раз ты ещё не знаешь... Уже мать и отец госпожи стали другими. Они и в доме всё изменили. Говорят, что раньше здесь было нехорошо, как-то тяжело жилось. Впрочем, сама я не видела — не застала, поскольку поступила на службу к родителям госпожи уже после всех переделок в доме. Ох, ну будет, разговорилась я, а мне ещё не помешает кое-чем заняться, — и, поблагодарив за ужин сеньору Диас, она покинула кухню.

Роза улыбнулась Вере и тоже поднялась.

— На вот, возьми на вечер, — сеньора Диас протянула Розе тарелочку с печеньем. — И ты возьми, Вера. Или чего другого хочешь?

— Нет-нет, спасибо, я с удовольствием съем печенье, — ответила Вера.

— У тебя в комнате должен быть электрочайник и посуда. Вот тебе чай и кофе, — Ди протянула Вере упаковки. — Ты можешь попить в любое время. А какао тебе нравится? Вот, и его возьми. А теперь иди.

С охапкой гостинцев Вера вернулась в комнату.

Чуть дальше по коридору находилась душевая, которой они с Розой могли пользоваться. Проверив, не занято ли, Вера приняла душ и после прилегла, достав наушники. Но слушать ничего не захотелось — слишком много впечатлений накопилось за день. Разные мысли крутились в голове, к тому же было приятно чувствовать, что она попала в хорошее место, в котором к ней отнеслись очень дружелюбно.

Убаюканная сознанием этого, Вера задремала.

Глава 11

Сегодня предстояло знакомство с хозяйкой дома.

Около десяти часов утра сеньора Суарес пришла за Верой, занятой подшиванием прохудившегося чехла для кресла. Они поднялись на второй этаж, и Вера вошла в будуар хозяйки дома.

Женщина лет тридцати пяти, как показалось Вере, высокая и стройная, в длинном платье оливкового цвета с накинутой на плечи шалью, стояла в центре комнаты с маленькой книжечкой в руке. Вера поздоровалась, после чего сеньора Мендес, положив книжку на столик, подошла к новенькой. Взяв руками её руки, госпожа заглянула Вере в глаза.

«Ну здра-а-а-встлуй, Ве-е-е-ра. Значит, ты теперь с на-а-а-ми, — не выпуская Вериных рук, произнесла сеньора Мендес, сделав паузу. — У твоей души, видимой через глаза, ро-о-о-вое сияние — ты мне нра-а-а-вишься».

Сеньора Мендес говорила подобно привидениям из фильмов, немного растягивая некоторые слова, но в дальнейшем тексте они в основном будут передаваться так, как принято произносить слова в мире живых.

«Ты нам подходишь...» — Вера вздрогнула от того, как зловеще это прозвучало. Но сеньора Мендес ничего дурного не имела в виду, вроде того, что имеют в виду члены какой-нибудь оккультной секты, произнося подобные речи. Нет. Госпожа Мендес лишь хотела сказать, что Вера подходит нескольким женщинам, проживающим в доме, поскольку не выглядит нахалкой и бунтаркой. Позже сеньора Суарес объяснила Вере эти слова, да она и сама после окончания разговора с госпожой уверилась в отсутствии у сеньоры Мендес какой-либо злонамеренности.

— Мне сообщили, что ты прибыла издалека, из глубинки. Скажи мне название того уголка?

— Это небольшой городок на десять тысяч жителей в трёхстах километрах отсюда. Он называется Три Енота.

Сейчас, в свою очередь, вздрогнула госпожа.

«Три Енота? Это говорит мне о многом!»

Вере хотелось узнать, о чём, но она не решилась прервать сеньору Мендес.

«Твоё появление здесь не случайно. Есть силы, которые этого пожелали. Но зачем? Мне нужно подумать, — тут госпожа снова внимательно осмотрела Веру. — Как ты устроилась, всем ли довольна? Если что-то нужно, обращай к сеньоре Суарес, она тебе поможет. И я надеюсь, что тебе здесь будет хорошо. А теперь можешь идти».

В этот день Вера занималась рутинной работой по дому. С другими она виделась мало, а Роза ещё к тому же, услышав чьё-то приближение, пыталась скрыться с глаз. Она была немного странной: улыбчивая и приветливая, но в то же время старающаяся избегать людей. Впрочем, если её поймать, то она могла быть даже болтливой, но стоило отвернуться, то повернувшись обратно, Розу не всегда удавалось обнаружить на месте. Такое поведение выглядело немного смешным, но в конце концов пусть прячется, если ей так хочется, тем более что Вера так же ценила уединение, как и Роза, хоть и не в такой степени.

Ближе к вечеру Вера достала свои книги — всего шесть штук — и, глядя на обложки, раздумывала, что бы ей почитать. Это было пёстрое собрание, которое включало в себя книжку с рассказами мексиканских писателей, сборник произведений Д. Даррелла о животных, томик с романами китайского писателя Лао Шэ, роман «Туманность Андромеды» о всесторонне развитых и высокогуманных людях будущего, в котором уже нет денег и всё человечество явля-

ется одной большой семьёй. Ещё в библиотечке имелись: «История географических открытий» для детей, и «Тайны Удольфского замка» Анны Радклиф.

Похоже, настроение более всего располагало к чему-то неторопливому и задумчивому, и, если говорить о неторопливости, то это качество было просто «органически» присуще «Удольфскому замку», примерно так же, как оно присуще ленивцу — животному, взбирающемуся вверх по дереву и иногда медленно-медленно поворачивающему голову в сторону наблюдателя. По окончании поворота ленивец способен замереть как бы в стоп-кадре, и после в течение неопределённого срока пребывать в полной неподвижности. За это время зритель имеет все шансы насладиться видом умильной мордочки, в коей, при желании, легко усмотреть загадочную улыбку Моны Лизы, которая словно говорит: «Вы вольны резвиться и прыгать как маленькие обезьянки, а я никуда не тороплюсь, поскольку мне и так уж всё известно». После продолжительного периода бездействия ленивец бывает не прочь пошевелить, например, когтями и возобновить-таки своё восхождение к вкусным листьям.

У Веры при чтении «Замка» как возник в голове образ ленивца, так и закрепился за этим произведением. Хотя название «ленивец» для столь очаровательного животного совершенно несправедливо: никакой он не ленивый, а лишь неторопливый, как и стиль повествования Анны Радклиф.

У Веры для каждой из имеющихся книг появлялось в воображении символизирующее её животное. Поэтому она могла захотеть почитать «ослика», «рыбку», или, например, «ленивца».

Читая роман в первый раз, Вера подумала, что не способна его осилить, потому как он казался слишком многословным. Но в дальнейшем она обнаружила, что «Замок» оказывает на неё какое-то успокаивающее и даже гипнотизирующее воздействие, и потому обладает своеобразной притягательной силой, такой же, как вид неторопливо поворачивающейся головы улыбающегося ленивца, а то и сразу двух, если на спине ленивца-мамаши висит детёныш. Описание рядового события в романе зачастую тянется страница за страницей, а после ничего важного может и не случиться, разве что, как и ленивец, событие произведёт лёгкое движение лапой, чтобы после роман неторопливо продолжил свой путь.

«Такого чтения мне хватит надолго, вот я сейчас как начну!» — подумала Вера, однако, едва она успела открыть книгу, как её книголюбивые намерения прервал звонок.

Глава 12

Это была Марисоль. Она интересовалась тем, как прошло устройство на работу.

Со вчерашнего дня у Веры словно вылетела из головы вся её предыдущая жизнь, и Вере стало совестно перед подругой, которая ожидала звонка. Видимо, погружение в новые условия жизни оказало гораздо большее влияние на её сознание, чем Вера могла бы подумать.

Сейчас она всё рассказала Марисоли, объяснив, что не позвонила сразу из-за того, что у неё всё перепуталось в голове из-за новых впечатлений.

«Я очень-очень рада, что ты так хорошо пристроилась. И не переживай, что не позвонила мне сразу, вот только в следующий раз лучше звони сразу, если сможешь. Ты, кстати, помнишь, что бывало на Кроличьем поле с кроликами, которые выскакивали нам навстречу? Они терялись! Вот и ты потерялась, выскочив навстречу новой жизни, но теперь я тебя поймала».

Обе засмеялись, представив Веру крольчонком.

«Но я звоню ещё и потому, что у меня есть новость, — Марисоль для пущего эффекта немного помолчала, а после радостно воскликнула:

— Я надеюсь к тебе приехать уже на следующей неделе! Мама взяла отпуск, чтобы приглядывать за братиком, а я могу быть свободной. Но это ещё не всё! Ты слушаешь? Меня отпускают к тебе на три месяца — на всё лето! Мне дадут денег, и я должна буду найти жильё подешевле, чтобы мне хватило. Может быть, ты поспрашиваешь у своих новых знакомых — вдруг они подскажут? И в какой день мне лучше приехать? Во вторник у тебя выходной? Тогда во вторник я и приеду — самым первым рейсом. Я тебе сообщу, во сколько это будет. А ты уже искала отца?...»

Подруги поболтали ещё минут двадцать, но сейчас Вере нельзя было раскрывать все карты, ведь самые увлекательные подробности Вериных приключений необходимо сберечь для личной встречи.

После окончания разговора Вера лежала ещё с полчасика, воображая, как они с Марисолью обследуют весь город, после попила чаю и приготовилась спать, обрадованная тем, что совсем скоро прибудет подкрепление.

«Осталось всего ничего. Сегодня пятница, а там уж раз-два и вторник».

Пожелав спокойной ночи Вомбату и Кенгуру, которых она установила рядом с подушкой, Вера быстро уснула.

Глава 13

Утром сеньора Суарес поручила Вере сходить в химчистку и забрать там вещи. Она объяснила, куда идти, дав деньги.

После завтрака Вера вышла через заднюю дверь, чтобы, пройдя заросший дворик, отрыть калитку и дойти до нужной улицы.

Остановившись посередине дворика, она вдохнула воздух, насыщенный ароматом растительности и уже начинающий прогреваться.

Опустив вниз глаза, Вера заметила прижавшегося к земле взъерошенного зверька грязно-белого цвета. Он, видимо, был уже настолько измучен, что не имел сил скрыться от Веры. Она невольно сделала шаг вперёд, и животное — то ли мышка, то ли крыса, — из последних сил метнулось к кустам в углу дворика.

Вера, приблизившись к кустам, присела и осторожно раздвинула ветки — мышонок прятался там (так она стала его называть, хотя размерами животное тянуло на крысу, да, собственно, ею оно и было). Вера медленно протянула руку, одновременно приговаривая, чтобы он не боялся и, к своему удивлению, смогла его взять. Она прижала зверька к себе и он при этом не пытался вырваться.

Что же делать? Ей захотелось взять мышонка к себе, ведь он выглядел таким же изгнанным, каковой была сама Вера. Но что скажут в доме? Да и... ладно, будь что будет. Вера, вернувшись в свою комнату, посадила животное в боковой карман рюкзака, сказав мышонку, чтобы он ждал её и никуда не убегал, сунув ему заодно остаток печенья. Однако, сообразив, что мышонок может и не знать человеческую речь, заперла рюкзак в шкаф.

«Не страшно, за то время, что меня не будет, ничего не случится, а я постараюсь всё сделать поскорее».

И, выйдя из дома, отправилась исполнять поручение, предварительно выяснив, где находится ближайший магазин зоотоваров, уже решив, что необходимо купить для мышонка клетку с домиком.

Вернулась Вера с клеткой для грызунов. Мышонок, похоже, спал, пока её не было.

«Надо же, какой послушный».

Вера достала его и погладила, после чего отнесла в клетку, где уже предварительно постелила в пластмассовом домике, установленном в углу клетки, мягкую подстилку из найденных тряпок. Вдобавок она положила в клетку засохший сучок — вдруг мышонок надумает что-нибудь погрызть.

Зверёк обнюхал все углы и всё, что есть внутри, а после забрался в домик.

«Так. Очень хорошо! Значит, ему здесь нравится. Немного позже надо почитать о том, что едят подобные животные», — а сейчас Вера дала ему кусочек сыра, который купила по дороге, и пластиковую крышку от банки кофе с налитой в неё водой.

«В мультфильмах часто показывают, что мыши любят сыр, и даже если он не мышь, то всё равно имеет сходство с ними», — подумала Вера, только позже узнавшая, что давать сыр мышам и крысам не стоит.

В первую очередь мышонок или зверёк, похожий на очень большого мышонка, припал к крышке с водой.

«Надо было догадаться, что он хочет пить, ведь мышонок мог и не найти воды на улице — дождей в последнее время не было. Впрочем, мне не известно, откуда он взялся».

Попив, мышонок обратил внимание на сыр, который он обнюхал самым тщательным образом, лишь после откусив. Вероятно, зверёк никогда не пробовал такую еду, но, кажется, она вполне его устроила. После того, как он поел, Вера просунула руку в клетку и снова погладила мышонка. Он прилёг и, видимо, был доволен.

«Ну что же, теперь надо идти к сеньоре Суарес и всё ей рассказать. А вдруг она не разрешит его оставить? Как тогда быть?».

Найдя управляющую, Вера просто и бесхитростно рассказала всё, завершив рассказ словами о том, как ей жалко мышонка и какой он хороший, да к тому же красивый, и что ей очень-очень хочется его оставить.

«Вообще-то у нас в доме животных нет, но раз это такое небольшое животное, как ты утверждаешь, то лично я не против — лишь бы он не бегал по дому и не грыз всё подряд. Но подумай и о других. Роза, например, наверняка боится крыс и мышей, можешь даже не сомневаться. Представь, что случится, если она начнёт визжать каждый раз, когда будет встречать в коридоре твоего дружка. Ну а сеньора Диас? Она кухарка, и для неё такие животные — это истонные враги. В общем, я должна посмотреть на него, прежде чем идти к госпоже».

Глава 14

Войдя в комнату, Вера подвела домоправительницу к клетке: «Вот, посмотрите, какой он хорошенький, только грязный немного. Позже я его отмою».

Сеньора Суарес, внимательно рассмотрев животное, заключила: «Это не мышь и, наверное, не крыса — я таких не видела, но он действительно походит на большую мышь».

Неопознанный зверь встал на задние лапы и, обхватив передними прутья клетки, стал усердно нюхать воздух, вытягивая мордочку.

— Да он совсем ручной — ни капли не боится, — произнесла сеньора Суарес, пощекотав пальцем его животик. — Так, говоришь, что он выглядел совсем измученным, когда ты его обнаружила? Видно, он спасался от каких-то уличных животных, забежав к нам во двор. И раз он не боится людей, то, наверное, он жил у кого-то дома.

— Если я увижу объявление о его пропаже, то, конечно, верну его этим людям, — ответила Вера, — но если он ничей, то я бы хотела оставить мышонка.

— По моему, он безобидный и вполне воспитанный, — сказала сеньора Суарес, — так что я прямо сейчас пойду спрошу сеньору, не против ли она, а после сообщу тебе результат. Но я уверена, что она не будет возражать.

Спустя двадцать минут экономка вместе с госпожой нашли Веру в кладовке, где та наводила порядок.

«Здравствуй, дорогуша. Меня заинтересовало это животное. Ты позволишь взглянуть на него? — обратилась сеньора Мендес к Вере и, обведя взглядом комнату, произнесла:

— Здесь очень уютно, ты хорошо обустроила помещение. У тебя имеется всё необходимое?» — и, получив утвердительный ответ, обратила внимание на клетку.

Подойдя к ней, она приблизила лицо к решётке. Мышонок, или кем бы он ни был, снова встал на задние лапки, ухватившись за прутья решётки.

«Необычный зверёк, — дотронувшись до него, сказала госпожа. — Уши у него круглые и большие, как у мыши, но тело намного крупнее — как у крысы. Хвост короткий — тоже как у мыши, а морда не вытянутая и не приплюснутая — это уже нечто среднее между этими двумя видами. Я вижу у него подобие мехового воротничка, хоть и слабовыраженное».

Немного помолчав, но продолжая разглядывать мышонка, сеньора Мендес протянула: «Да-а-а, это необычное животное, и оно здесь не случайно».

После многозначительной паузы сеньора Мендес с гораздо большей убеждённости промолвила: «Я думаю, он здесь, чтобы защищать нас! Он... такие животные, как он, имеют определённую связь с иными силами, и эти связи бывают добрыми и недобрыми. Но он — добрый наш Защитник», — и, высказав своё мнение, она пощекотала ему животик.

Во время этой тирады сеньора Суарес, стоявшая позади, будучи не в силах удержаться, закатила глаза и вздохнула.

«Я хочу, чтобы у животного была самая лучшая пища: овёс, пшеница, зерновые смеси, яблоки и морковь, а также прочее. Я лично составлю список продуктов, которые ему необходимы и полезны», — и осанка хозяйки дома действительно говорила о том, что она готова к решительным действиям по составлению списка.

Как Вера поняла позднее, госпожа, вообще была любительницей составления списков.

«Вера, ты не будешь против, если я иногда зайду навестить твоего питомца? Я не хочу мешать, а потому приду в то время, которое тебе удобно. Можно? Хорошо! Как ты его назвала? Ещё никак? Тогда выбирай имя и сообщи мне о том, какое оно».

После этих слов сеньора Мендес выплыла из комнаты.

Глава 15

— Признаться, такого я не ожидала, — взглянув на Веру, сказала домоправительница, — но зато отныне твой дружок находится под покровительством госпожи, и ему ничего более не грозит.

— Откуда сеньора Мендес столько знает о мышах и крысах? — поинтересовалась Вера.

— Наверное, от мужа, ведь он был биологом. Из России. Он приехал сюда в девяностые годы, вернее, его привезла госпожа.

— А почему они не остались жить там?

— Кажется, то место, где он работал на родине, было закрыто, после чего он не мог найти работу, да и семьи у него не было. Они с госпожой друг друга любили сильно — вот, видно, поэтому он и переехал сюда.

— Надо же, как интересно, а я и не знала, — протянула Вера.

— Теперь ты можешь идти обедать, а после приходи ко мне — я дам тебе поручение. И передай сеньоре Диас, чтобы меня к обеду не ждала.

В коридоре Вера столкнулась с Розой, которой деваться было некуда, поскольку спрятаться ей уже не удалось бы, а потому они вместе отправились в столовую.

Вечером сеньора Суарес предупредила Веру, что завтра, то есть в воскресенье, у госпожи состоится сеанс в шесть часов вечера. В это время в доме должно быть тихо, а Вере лучше находиться в своей комнате или пойти погулять.

На этом день закончился. Вера пошла к себе с намерением придумать имя для мышонка.

Войдя, она забрала зверька из клетки и прилегла на постель, пустив его побегать на воле. Тот первым делом стал обнюхивать её лицо, смешно щекоча лапками и усиками нос, так что Вера в конце концов чихнула.

Мышонок за то время, что провёл в доме, уже успел сам почиститься, таким образом избавив Веру от необходимости его отмывать. Мышонок имел серый окрас спины и части мордочки, а также ушей, а вот брюшко и всё остальное было покрыто белой шерстью.

«Наверное, тебя зовут Мигель, — произнесла вслух Вера. — Ты очень похож на Мигеля. Пусть ты будешь Мигелем, — обратилась она к мышонку, который хоть и ничего не ответил, но зато посмотрел на неё, что было истолковано как знак согласия. — Ох, ну давай уже спать, Мигель, у меня глаза слипаются. Сегодня я не смогу с тобой поиграть».

Закончив беседу, Вера посадила Мигеля обратно в клетку, в которую она уже успела положить кое-какие безделушки, с которыми мышонок мог возиться, пока её нет. Ведь, как успела заметить Вера, он был весьма любопытным и всюду совал свой нос. Ещё она поняла, что в ту пору, когда у неё наступает время сна, у мышонка начинается самое веселье, поскольку такие животные ведут ночной образ жизни.

Сегодня, как и вчера, Мигель встал на задние лапы, схватился передними за прутья и ну давай их трясти, отчего они стали слегка позвякивать. Он был похож на маленького узника, требующего выпустить его на волю. Но дверцу в клетку Вера взяла за правило оставлять открытой, убедившись, что мышонок не проявляет никакого желания покидать комнату. Хотя на время своего отсутствия она всё же закрывала клетку поначалу. Так что теперь Мигель не жаловался на неволю, но ему, очевидно, нравилось позвякивание прутьев. Впрочем, шумел он не сильно, нисколько не мешая засыпать Вере, которая, как и в предыдущие дни, снова расположила Кенгуру и Вомбата рядом с подушкой.

Глава 16

Проснувшись утром Веру, мышонок приветствовал позвякиванием. Она, всё ещё с закрытыми глазами, не вполне проснувшись, протянула руку и почесала его, а повернувшись на другой бок, уткнулась в плюшевого Вомбата, повалив и его, и Кенгуру. Поставив обоих сумчатых как положено, Вера заварила кофе и дала поесть Мигелю. Скоро нужно идти на рынок, где предстояло приобрести кое-что для угощения сегодняшних гостей госпожи. Кстати, надо сообщить госпоже о выбранном для мышонка имени. Перед уходом управляющая передала Вере список необходимого от сеньоры Диас и записку от сеньоры с красиво и подробно составленным списком подходящего корма для Мигеля.

По рынку Вера ходила довольно долго, поскольку не сразу удалось найти всё необходимое, да и посмотреть интересно, что продают на таком большом рынке, хотя исполнение поручения по списку сеньоры Диас всё-таки оставалось первоочередным делом, которое нужно выполнить аккуратно. Спутницы сеньоры Мендес в путешествиях по астральному миру были привередливы в еде. Простая грубая пища могла расстроить и нарушить ту тонкую связь, которая соединяла их с иным миром. В первую очередь сеньоры пытались вызвать своих ушедших мужей, но могли прийти и родственники или даже просто скучающие духи, которых никто не навещает. Всех больше для связи с добрыми духами сеньорам подходили кондитерские изделия: торты, пирожные, сладкие пироги и конфеты. А вот если потреблять тяжёлую и жирную пищу, то могут слететься тёмные духи.

Выполнив задание, Вера дошла до зоомагазина, где купила зерно для Мигеля, — десерт же был куплен для него на рынке, — морковь и яблоки.

По дороге с рынка Вера заприметила маленькую то ли кофейню, то ли кондитерскую. На одной из улиц, за каменным заборчиком располагались четыре столика, почти целиком скрытые за кустами с розовым цветочками. Но это были не роскошные, тщательно подстриженные кусты, а просто заросли, за которыми никто не следил, — да оно и к лучшему. Вера захотела зайти внутрь.

В маленьком помещении на витрине с заклеенным скотчем стеклом были выставлены различные сладости. Цены оказались невысокими. Можно будет зайти сюда вместе с Марисолью, а сейчас бегом домой, она и так задержалась.

На входе Веру встретила сеньора Диас, потребовав доложить о результатах похода на рынок. Особенно её интересовала группа экзотических специй и пряностей, названий которых Вера не могла запомнить, а потому искала их на рынке, сверяясь со списком. Убедившись, что всё исполнено, сеньора Диас забрала сумки и скрылась на кухне.

Вера пошла проведать Мигеля. Тот спал в домике, но услышав её, высунул мордочку. Вера дала ему кружок моркови и прилегла на пять минут, чтобы позвонить Марисоли.

После обмена любезностями, Вера сообщила:

— Я поговорила с сеньорой Суарес, и оказалось, что рядом живёт её знакомая, которая недорого сдаёт комнату. Ты можешь остановиться у неё.

— Да это же просто отлично! Так, говоришь, это рядом?

— Если идти пешком, то минут 15—20, — ответила Вера.

— Ну, кроме моих двоих у меня ничего нет, — засмеялась Марисоль. — Значит, когда мы будем выходить навстречу друг дружке, то сможем встречаться уже через десять минут?

— Так и есть, — радостно подтвердила Вера. — У тебя ничего не изменилось, ты приедешь во вторник?

— Да-да, приеду часа в два. Более ранних рейсов сейчас нет. Ты меня встретишь?

— Обязательно, и провожу к дому той женщины. А потом мы сможем гулять и разговаривать, — ответила Вера, — но сейчас я должна идти — мне надо кое-что сделать. Пока, до вторника!

Глава 17

Сейчас ей нужно сходить в сад, который располагался перед главным входом, и насобирать там цветов. В цветах Вера не особо разбиралась, зная лишь самые простые и распространённые, но сеньора Мендес об этом позаботилась: в переданной ею записке, рядом с названиями цветов и требуемым количеством, было также их краткое описание. Сеньора Суарес показала, где находятся садовые инструменты. Вере оставалось только срезать и принести цветы, а уж домоправительница сама их расставит.

После обеда настало время пройти по второму этажу, чтобы стереть пыль. Постепенно Вера дошла до коридора, обшитого деревянными панелями, в котором находились спальня и будуар госпожи. По обеим сторонам коридора висели портреты. На них, по всей видимости, красовались предки госпожи Мендес, и это были самые обычные портреты. Но один привлёк внимание Веры, поскольку производил жуткое впечатление. На портрете была изображена седовласая женщина с очень худым лицом и глубоко посаженными чёрными глазами, с кожей бледной, словно воск. Женщина оказалась одетой, видимо, в дорогое платье, но при этом на ней был фартук, что само по себе представлялось странным. И помещение, в котором она находилась, определённо было кухней.

«У представительниц высших сословий не имелось привычки заходить на кухню, а уж тем более надевать фартук», — подумала Вера, исходя из прочитанного ею в книгах о той поре.

На стене позади той женщины на портрете, среди пучков каких-то высохших трав висел окорок, по виду напоминающий окаменелость. Его цвет был точно таким же, как цвет лица этой женщины. Больше ничего на портрете не было написано похожими красками, что сразу фиксировало внимание на этих двух участках картины.

«Но для чего хранить окаменевший окорок (во всяком случае он так выглядит), если только это не семейная реликвия?» — подумала Вера.

Будучи воспитанной в семье, в которой мать являлась истовой католичкой, а дедушка, хоть и атеистом, но атеистом научным, имевшим значительные познания по вопросам религии, — выросшая в такой семье Вера знала, что реликвии порой бывают самыми экстравагантными. Поэтому больше всего в этом портрете привлекал внимание не окорок, а именно лицо седовласой, в котором проглядывали злоба, жестокость и бессердечность. И если бы Вере сказали, что на картине изображён вампир, то она бы сразу поверила.

«Любуясь» отвратительным портретом, Вера не заметила, как сеньора Мендес вышла из спальни.

— А-ах, тебя заинтересовала Кристоальда Мендес, — неожиданно для Веры послышался справа голос госпожи, больше приличествующий привидению, нежели человеку. — Считается, что она была отзывчивым и милосердным человеком, благотворительницей, — добавила сеньора, посмотрев на Веру, — а также одной из образованнейших женщин своего времени.

— Понятно, — пискнула, боясь показаться неучливой Вера.

— Но это неверно. Привлекательный образ создали те, кого она подкармливала, при этом держа нож у их горла. Она была демоном в женском обличье. Она — самое грязное пятно в истории нашей семьи. К тому же Кристоальда была груба и невежественна — несколько её писем я всё ещё храню в подвале.

— Но тогда зачем держать здесь портрет? — спросила Вера.

— Ты права, ему здесь не место, однако до сих пор он служил мне напоминанием о том, какими бывают люди, одержимые злобой, гордостью и высокомерием.

Улыбнувшись, госпожа добавила: «А ещё, когда я делаю что-то хорошее, то могу показать ей язык, проходя мимо».

Сеньора положила руку на плечо Веры и протянула, снова сделавшимся заунывным, голосом: «Но ты ничего не бойся — здесь с тобой всё будет хорошо, с нами со всеми».

Ближе к вечеру, находясь в своей комнате, Вера всё вспоминала об этом разговоре: «Что же такое сделала эта Кристобальда, раз госпожа назвала её демоном? Нет, лучше об этом не думать впустую. Если придётся, то узнаю, а самой не стоит интересоваться всякими ужасами. Лучше поинтересоваться чем-нибудь стоящим».

Глава 18

В шесть часов вечера наступило время чудес. У сеньоры Мендес уже собрались её подруги и мадам Аврора. Вере не захотелось сейчас продолжать чтение «Удольфского замка», поскольку там тоже происходила всякая загадочная чертовщина. Вместо этого Вера придумала играть с Мигелем, для которого она не пожалела денег на покупку лабиринта с изменяемой конфигурацией.

Сверившись с инструкцией, она собрала один из 15 вариантов, положив в центр лабиринта кусочки моркови и яблока, предварительно дав их понюхать Мигелю. Но вместо того, чтобы искать путь к награде, он попытался перелезть через стенку. Хм-м... Вере показалось, что это нетипичное поведение для такого животного, тем более в инструкции говорилось, что питомец станет делать всё как надо, если следовать инструкции. Но, наконец, Мигель сам понял, что на стенку ему не залезть, так как лабиринт сверху был накрыт прозрачной крышкой. Тут он поступил так, как предсказывала инструкция, — отбросив глупости, принялся искать путь к еде. Вере было любопытно наблюдать за мышонком, так что ещё вопрос — для кого лабиринт игрушка, а для кого работа.

И всё-таки даже посматривая на Мигеля, Вера не могла оставить мысли о спиритическом сеансе: «Это, как ни крути, жутковато. Кто знает, что они там навывают? Нет, разумеется, никаких привидений не существует... Ну а вдруг?»

Довольно быстро Мигель добрался до приза и, съев всё, встал на задние лапки, глядя снизу вверх на Веру, словно прося забрать его из лабиринта. Она так и сделала, сняв прозрачную пластиковую крышку.

«Попробую ещё раз», — подумала она и начала пересобирать лабиринт. У неё вызвал некоторые затруднения этот вариант. Тогда Вера постаралась собраться, чтобы думалось лучше и... буквально подпрыгнула на месте, услышав жуткий гул и одновременно почувствовав вибрацию.

«Мамочки, мамочки, — запричитала она. — Значит, это всё правда, и они вызвали духов! И, верно, они злые, ведь добрые призраки не стали бы так шуметь. Мигель, Мигель, иди сюда!»

Вера схватила мышонка и, прижав к себе, свернулась клубком на постели, придвинув поближе Кенгуру и Вомбата. Поглаживая мышонку голову, она приговаривала про себя: «Хоть бы со мной была Марисоль! Уж скорее бы она приехала!... Пстой-ка! А ведь госпожа сказала, что ты, Мигель, послан нам для того, чтобы защитить всех нас, — подумала Вера, глядя на Мигеля. — Нет, это глупо!» — но продолжила поглаживать Мигеля, как бы призывая мышонка применить свою защитную силу, если она у него есть.

— Э-э-эт-то что такое? Кто тебе велел включить стиральную машинку? Разве ты не знаешь, Роза, что сейчас в доме должна быть тишина? А ты что вытворяешь? — тут послышались шаги, после чего машинка стихла, потом снова шаги. — Зачем ты её включила?

— Не знаю.

— То есть как, не знаешь? О чём же ты думала, когда включала?

— Ни о чём.

— Роза, не испытывай моё терпение, говори, зачем включила.

— Стирка отгоняет духов — злых духов — так говорят у нас в деревне, — бросилась в омут с головой Роза.

— Господи боже мой, ну как в такое можно верить? Нет никаких духов!

— А вот и есть! — громко прошептала Роза.

— Ладно, хватит, марш к себе в комнату и, я надеюсь, что сеньора Мендес ничего не услышала, а если и услышала, то не поняла.

Вера, прислушиваясь к голосу сеньоры Суарес, легко улавливала нотки материнской заботы о Розе. Сеньора Суарес определённо взяла её под своё покровительство.

«Хи-хи-хи, когда я расскажу Марисоли о том, как испугалась стиральной машинки, то она наверняка начнёт смеяться своим задорным, залившимся смехом».

У Веры моментально поднялось настроение, вызвав желание заварить какао, чтобы выпить его с печеньем. После она надела наушники, поставив случайное воспроизведение песен в телефоне.

Наслушавшись всего подряд, Вера не заметила, как пролетело время, — пора бы и спать. Мигель сегодня, видимо, не собирался бодрствовать ночью, поскольку он уже спал в домике.

Глава 19

В понедельник домоправительница первым делом поднялась к сеньоре Мендес, которую ещё не видела после сеанса, чтобы узнать, не случилось ли непогоды в потустороннем мире из-за включения стиральной машинки, но первой не хотела об этом заговаривать. Это и не потребовалось.

«Мне показалось, что вчера работала стиральная машинка. Кто её включил?» — спросила госпожа, едва увидев экономку.

Сеньора Суарес всё рассказала, посетовав на суеверия, которые принесла Роза из своей глухомани. Также домоправительница уверила сеньору Мендес в том, что хорошенько отчитала Розу, а потому подобного больше не повторится.

— Не стра-а-ашно, — привычно протянула сеньора Мендес. — Это было даже к лучшему. Все мы вчера во время сеанса почувствовали нечто гнетущее, а эти звуки... они нас призвали завершить сеанс. Розу нужно похвалить за то, что она, благодаря своей особой чувствительности, происходящей от её наивности, избавила нас от чего-то неприятного, — произнесла сеньора Мендес.

— Я награжу её конфеткой за этот подвиг, — ответила сеньора Суарес.

Госпожа улыбнулась улыбкой доброй и мудрой волшебницы:

— Ты всё такая же, Хелена, — назвала она сеньору Суарес по имени. — Годы идут, а ты не меняешься. Не веришь ни во что сверхъестественное.

— Почему же, ваше объяснение поступка Розы вполне сверхъестественно.

— Я знаю, что ты присматриваешь за Розой, но не забывай, что она не такая как ты, — она иная!

— Будьте уверены, сеньора, я её с собой не перепутаю, — ответила экономка.

— Не обходи своим вниманием и Веру, — попросила сеньора Мендес.

— Вы думаете, что и она иная?

— Ты шутишь, — снова улыбнулась госпожа. — Но да, я думаю, что и она тоже.

— Я в любом случае присмотрю за Верой — она хорошая девушка и нравится мне.

— Пришли её сюда, пожалуйста, Хелена, я хочу поговорить с ней о Мигеле.

— Хорошо, сейчас она поднимется.

Госпожа тщательно расспросила Веру о самочувствии мышонка, и особенно её интересовало то, как он вёл себя во время сеанса.

— Значит, он был совершенно спокоен? Видимо, опасности не было... Ну а ты? Как ты чувствовала себя рядом с ним? Тебе было спокойнее, Вера?

— Д-да, пожалуй. Да, определённо мне было спокойнее с ним, — ответила Вера, вспомнив, что вместе с ней переживали нашествие духов ещё и Вомбат с Кенгуру, которые также придавали спокойствия, но о них Вера говорить не стала.

— Ну хорошо, ступай, и будь добра, зайди к сеньоре Диас — предупреди её, чтобы на меня обед не готовила — я сегодня должна быть в зоопарке.

Вера удивлённо посмотрела на сеньору Мендес.

— Ах да, ты, верно, не знаешь. Я оказываю поддержку нашему зоопарку, и являюсь председателем попечительского совета. Это дело начал ещё мой покойный муж и меня привлёк к нему. Он к тому же и консультировал зоопарк по вопросам биологии, ну а я помогаю как могу. Ты ведь любишь животных, Вера?

— О да, очень-очень!

— Если хочешь, я сделаю для тебя пропуск и ты сможешь бесплатно посещать зоопарк.

— Ну что вы, — засмушалась Вера. — Я и так могу сходить.

— Мне это только в радость, к тому же такие пропуска есть у всех моих помощниц. Вечером я передам пропуск для тебя.

Вера была очень довольна, поскольку она никогда не была в зоопарке, ведь в их городке такого заведения нет. Да и вместе с Марисолью можно будет сходить, и это выйдет в два раза дешевле. Нужно не забыть переговорить с Розой, попросить, чтобы она подменила её в среду в свой выходной, а Вера подменит её в другой день, когда Розе будет нужно.

— Если хочешь, то можешь хоть каждый день уходить пораньше, пока твоя подруга здесь, а можешь взять ещё один выходной — я тебя подменю — мне не трудно. Тем более, идти мне некуда — я всё равно провожу свой выходной в доме почти всегда, — ответила Роза.

— Отлично! Большое-пребольшое спасибо, Розита, я постараюсь тебя не утруждать лишний раз, а потом, если вдруг понадобится, я тебя заменю. Может быть, ты захочешь съездить к себе домой, например?

— Не беспокойся, всё хорошо, а домой раньше Рождества ехать нет смысла. Многие из моих родных разъезжаются работать, кто куда. Но я была бы рада съездить, когда все соберутся.

— Вот и съездишь, Роза. Ну, ещё раз спасибочки, — и обняла её.

Угостив Мигеля, Вера посмотрела с середины какую-то старую кинокомедию, и по окончании фильма, приготовившись спать, подумала: «Ура, завтра приезжает Марисоль, а мне столько ей надо рассказать. Хоть бы скорее настало завтра!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.